

Б. Ю. Норман

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь*

boris.norman@gmail.com

К ИСТОРИИ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»

Излагается история создания и первой публикации «Этимологического словаря», обсуждаются принципы создания псевдотолкований в аспекте возможной семантизации уже готового слова. Формулируются условия «этимологической» семантизации: смысловая и словообразовательная правдоподобность, малознакомость слова, семантическая структура слова, которая позволяет разложить значение слова на определенные компоненты и комбинировать их определенным образом для создания юмористического эффекта. Наиболее частыми в «Этимологическом словаре» элементами толкования являются: «большой», «маленький», «человек», «мужчина», «женщина», «любитель(-ница)», «супруга», «самка», «участник», «результат» и т. п., поскольку они передают самые важные системообразующие отношения в русскоязычном сознании, закладывают основу «порядка» словарного состава.

Ключевые слова: языковая игра, лексикография, типы словарей, этимология, народная этимология, толкование значения слова, семантическая структура слова, искусственная семантизация.

В 60-е гг. теперь уже прошлого века у студентов даже такого престижного вуза, как ЛГУ (а полное название по тем временам было – Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А. А. Жданова, это о многом говорит!), было не так уж много отдушин для выпуска интеллектуального и эмоционального пара. КВН-ов еще в помине не было, общение в нынешних живых журналах не могло бы привидеться и в горячем бреду, а вечера-диспуты были делом редким и чреватым (один из них, под названием «Проблема отцов и детей», удостоился даже упоминания то ли в «Голосе Америки», то ли на радио «Свобода»). А поводов для тревоги и размышлений хватало. Ушел с факультета, не доучившись, Сергей Довлатов. По рукам ходили бледные машинописные копии стихов ленинградца Бродского, а сам он уже был отправлен в ссылку за тунеядство. В 1966 г. (я как раз оканчивал университет) разразился скандальный процесс Синявского и Даниэля. И газеты пестрели гневными

откликами трудящихся: «Я, конечно, этих пасквилей не читал, но хочу сказать, что авторам не место...».

Но – смешно, конечно, сопоставлять эти вещи – все эти годы у нас была СТЕНГА-ЗЕТА! На филологическом факультете ЛГУ существовала давняя традиция стенной печати. Газеты «Филолог» и «Славист» (первая – общефакультетская, вторая – отделения славянской филологии), каждая на полкоридора, соревновались между собой в оригинальности содержания и красочности оформления. А какие люди участвовали в выпуске номеров! Будущие прозаики и критики пробовали свое перо. Вызревали в недрах факультета крупные поэты – Михаил Крепс и Виктор Кривулин. Фотограф Рувим Мещанинов, хромой и бородатый, приносил удивительные фотопортреты. Один из них, являвший миру самого автора, носил гордое название «Портрет неизвестного», весь факультет покатывался со смеху. Саня Лурье переводил каких-то сильно упаднических сербских поэтов. Пару раз Слава Чумаков

с русского отделения приносил на суд редколлегии какие-то сумасшедшие стихи типа «Надтреснутый пируэт триоли еще не дал мне вчерашнего, подернутого вишневокоркой...» – и мы их безоговорочно отвергали. На третий раз он притащил листик со строками «Пустых небес прозрачное стекло, Большой тюрьмы белесое строенье...». Мы прочитали и в один голос сказали: «Знаешь, а это ничего! Пойдет!». «Суки, – буркнул Чумаков. – Это же Ахматова». И забрал свой листок – это он нас так проверял.

К числу энтузиастов стенной печати принадлежали два студента с болгарского отделения (Борис Норман и Володя Карпов), один – с польского (Аркадий Спичка) и один – не без приключений, но все же окончивший романскую филологию (Миша Зубков). Объединял нас естественный для молодых лет задор и неумное чувство юмора.

И вот где-то весной 1966 г. в атмосфере постоянных шуток и подкалываний, сопровождавших очередной выпуск стенгазеты, в наши головы пришла мысль: а почему бы не развлечь читателей несложной филологической игрой – придумывать к словам необычные (хоть и правдоподобные) толкования. Благо у всех уже были на слуху шуточки вроде *экстаз* – это «таз, бывший в употреблении» или *полупроводник* – это «один проводник на два вагона». Никому ничего объяснять было не надо, и работа закипела. Мы вооружились первым попавшимся под руку словарем (нам и нужна-то была в нем только «левая» часть, то есть вокабулярий, «правую» мы, наоборот, закрывали ладонью – чтоб не мешала). Время от времени то один, то другой из нас восклицал: «А знаете, что такое *автожир*? – Машинное масло!» «А что такое *колено*? – Расколотое полено!» «А *портянка* – испорченная деталь!» – «Нет, нет, это работница порта! Не зря говорят: *друг-портянка!*» – и дружный хохот был ответом... Варианты сравнивались между собой, тут же корректировались, редактировались. Стихийно вырабатывались и общие принципы шуточных толкований, о которых речь пойдет ниже.

Тут же, что называется, не отходя от кассы, завиральному словарю было придумано и название: «Этимологический». За основу было взято научное слово *этимологический*, но ему поубавили спеси вставкой буквы *н*, напоминающей о просторечных выражени-

ях вроде «энти» вместо *эти* (был еще вариант «етимологический», но его сочли малоприличным). Авторы решили упрятать под псевдонимом, и псевдоним этот был тоже собирательный и насквозь пародийный: «под редакцией лейб-штатс-адьюнкт-приват-доцента Ф. Р. Пакгаусса и бр. Эпрон» (сюда попали и издатели дореволюционного энциклопедического словаря Брокгауз и Ефрон, и существовавшая на заре Советской России организация ЭПРОН, занимавшаяся подъемом затонувших кораблей, и архаичная система титулования).

Сам же словарь имел примерно следующий вид (приведу из него выборочно некоторое количество статей):

АРТИШОК (мед.) – нервное потрясение у артиллеристов.

АСТРОЛОГИЯ – раздел ботаники: разведение астр.

БАЛЛИСТИКА – система оценок в школе.

БАРАНКА – овца.

БАТИСФЕРА – 1. Область вмешательства отца в семейные дела; 2. Отчий дом.

БРЕШЬ – грубая ложь.

ВЕРНОПОДДАННЫЙ (футб.) – точный, прицельный (об ударе мячом).

ВЕЩУНЬЯ – 1. Мещанка; 2. Дикторша телевидения.

ДНИЩЕ – день за Полярным кругом.

ДОЛГОНОСИК (ласк.) – Буратино.

ДРАНКА (разг.) – порка.

ЗАМША – заместительница директора.

КИНОЛОГИЯ – наука о кино.

КИШМИШ (тадж.) – мышь, брысь!

КОЛДОБИНА – 1. Ворожба; 2. Волшебная сказка.

ЛИХОМАНКА – некачественная манная крупа.

ЛОРНЕТ – отсутствие врача-отоларинголога в поликлинике.

МЕСТОИМЕНИЕ (железнодорож.) – плацкарта.

ОБОРВЫШ – отрывной календарь.

ПАПЬЕ-МАШЕ (фр.) – родители.

ПОЙМА (охотн.) – ловушка.

ПРИВРАТНИК – мелкий лгун.

СВЕРХЧЕЛОВЕК – сосед этажом выше.

СКЛАДЕНЬ – 1. Перочинный нож; 2. Завскладом.

ТЕРПКИЙ – выносливый.

УТОПИЯ – 1. Наводнение; 2. Кораблекрушение.

ФУРАЖКА (сельскохозяйств.) – сводка о ходе заготовки кормов.

ХОЛОСТОЙ ПАТРОН – неженатый начальник.

ШАРОВАРЫ – фрикадельки.

Первоначально, на этапе этого коллективного замысла, в словаре было всего несколько десятков слов. Возникла также идея давать к словам примеры словоупотребления – так сказать, литературные контексты. Правда, подходящих иллюстраций было под рукой немного. Скажем, на статью «АНТРЕКОТ – кот, живущий в передней» нашелся вот такой примерчик из Михаила Светлова: «Там в пещере незримо живет / Молчаливая тварь – Антрекот». А на толкование «ТОКАРЬ – тетерев» оказалась подходящей иллюстрация из Владимира Сосны: «Но разве мы только токари, токующие над втулками?». Кто-то припомнил еще старинную эпиграмму, это к слову ЖРЕЦ:

*Попы издревле доказали
Излишество утроб своих:
Они всегда так много жрали,
Что прозвали жрецами их.*

Впрочем, раз словарь был изначально задуман как «неправильный», то почему бы и примеры словоупотребления в нем не давать придуманные, фальшивые? Тут уж фантазии составителей просто не было предела. В частности, на слово «ПРОСТЫНЯ – женщина из народа» приводился контекст: «– Граф, ужели вы женитесь на этой простыне? – Да!» (Л. Н. Такой. Понедельник). А на УШАНКА давалось: «– Ваша дочь такая ушанка! – Увы, князь, всё в руце господней...» (М. Мерзский. Жизнеописание Степана Курыгина, эскайра). Искусственные слова порождали искусственный текст – чистейший, как бы сейчас сказали, симулякр. Правда, позже доморощенные «этимологи» от такого надругательства над литературой отказались.

Свою развлекательную миссию на факультете словарь выполнил. Конечно, успех требовал бы продолжения. Но у составителей были свои дела и планы. Двое из них вскоре переехали в Белоруссию и в аспирантских, а затем в преподавательских заботах позабыли о своем детище. Однако когда в 1970 г. в Минске проводилась Всесоюзная конференция по лексикологии, они решили тряхнуть стариной и выпустить тематический номер стенгазеты «Лексиколог». Включили туда и уже апробированные

«этимологические» статьи. Словарь произвел впечатление, публика толпилась у стенгазеты, улыбалась и переписывала что-то в свои тетрадки. Только многоопытный профессор Ф. А. Литвин из Воронежа сказал: «Что ж это вы, ребята, делаете? Психи очень любят вот так ковыряться в словах! Смотрите не скатитесь в шизофрению!» А его коллега М. И. Черемисина подошла к авторам и предложила: «А давайте опубликуем это у нас в Новосибирске! Ведь это не только смешно, а еще и интересно!». Так у словаря началась взрослая жизнь, Майя Ивановна стала его крестной матерью, а автор этих строк взял на себя ответственность за его дальнейшую судьбу.

В Новосибирском университете выходили тогда такие сборники – «Вопросы языка и литературы», ротاپринтные (для сегодняшнего читателя это требует, наверное, дополнительных объяснений), на плохонькой бумаге, но с вполне серьезным содержанием. Для очередного выпуска (№ 4 за 1970 г.) и предназначался наш «ЭС», сопровождаемый кратким лингвистическим комментарием. Редактор профессор К. А. Тимофеев дал добро. Но вдруг – вот незадача! – Главлит усмотрел в словаре крамолу, отдельные статьи вызвали недовольство цензоров. Например, такие: БРОШКА – мать-одиночка, покинутая жена; КАСТРЮЛЯ (ласк.) – скопец; НУДИСТ (конфер.) – скучный докладчик; ПОМОЙКА – коммунальная баня; СТУКАЧ – дятел и др. Пришлось клеить негодные строки бумажными полосками (времена-то были еще ротاپринтные, о компьютерном наборе никто тогда не слыхивал). В таком виде – с явными цензурными пробелами – Словарь впервые и вышел в свет в 1970 г. [Норман, 1970. С. 188–199].

Но это было только начало его биографии. Трезво рассудив, что наши шуточные толкования могут быть интересны не только новосибирскому читателю, мы решили (я пишу по инерции – «наши», «мы», хотя практически с этого момента словарем занимался уже только один человек) достучаться и до других изданий. Минская молодежная газета «Знамя юности» в своем отделе сатиры и юмора за 1971 г. опубликовала несколько порций «этимологий». Конечно, не всем эти шутки с языком пришлось по душе. Всесоюзный журнал «Русская речь» ответил на наше предложе-

ем. Заглавие его статьи в журнале «Zeitschrift für den Russisch-Unterricht» говорит само за себя: «Русский язык, которого нет в словаре». Нашлись последователи этимологизирования и в Израиле – еще бы, бывшие «наши» люди! А послеперестроечные эстрадники-юмористы в России, нащупав золотую жилу, стали выдавать игру со словами за собственное открытие...

Со временем выдержки из Словаря стали включаться в учебники и учебные пособия (например, в «Основы психолингвистики» Н. И. Горелова и К. Ф. Седова). Стали появляться научные публикации, специально посвященные тем или иным аспектам этимологизирования. Так, Т. В. Попова проанализировала участие глаголов в псевдотолкованиях, а И. Б. Иткин и Т. А. Гридина обратили внимание на использованную в Словаре систему помет (надо сказать, тоже сугубо пародийную).

Оригинальный же вариант «Этимологического словаря», восходящий корнями к коллективному творчеству четырех ленинградских студентов, тоже разрастался, свидетельством чему были несколько поздних публикаций – в журнале «Шут», органе Ленинградского Дома сатиры и юмора (1991, № 1), в минских газетах «Знамя юности» (1993, № 6) и «Белорусская деловая газета» (2004, № 25). Довольно полные варианты Словаря вошли в две научно-популярные книги Б. Ю. Нормана: «Язык – знакомый незнакомец» (Минск, 1987) и «Игра на гранях языка» (М., 2006). Там же приводился и необходимый сопроводительный комментарий.

И все же спросим себя: кому нужен этот заведомо «неправильный» словарь? Имеет ли он право на существование? Проще всего ответить так: перед нами вид интеллектуального развлечения, своего рода языковой карнавал – знакомые слова приобретают неожиданное содержание. Но думаю, что суть этой игры намного глубже.

Не случайно к рискованному делу этимологизирования приложили руку и другие лингвисты, известные своими серьезными работами: Д. Н. Шмелев, Н. П. Колесников, В. Д. Девкин, Л. П. Крысин и др. (Причем, по моим впечатлениям, сочинение этимологий – в основном мужское занятие.) В публикациях этих авторов можно найти отдельные примеры и даже целые списки псевдотолкований. Дело в том, что языковед

видит в этимологиях не только забаву. Замечательный русский ученый Михаил Викторович Панов написал в отзыве на наш Словарь: «Язык можно использовать как игрушку. Кое-кто играет в домино, кое-кто – в карты, иные часами вертят кубик Рубика или увлекаются ролевыми играми. Но все (за исключением особо мрачных субъектов) играют в язык... Лингвистам, видимо, тема казалась недостаточно солидной, и они обходили ее молчанием. А это значит – упускали из виду важную сторону языка. “Этимологический словарь” – блестяще остроумный, будящий читательское внимание к слову и развивающий остроту его восприятия».

В основе игры в псевдотолкования лежит вопрос: «Что бы это слово могло значить?» Говоря научным языком, это вопрос о возможностях семантизации уже готового слова. И, оказывается, деятельность как человека, придумывающего этимологии, так и человека, с улыбкой их читающего, подчиняется определенным правилам.

Прежде всего, удачные этимологии правдоподобны. Это значит – конкретное слово и в самом деле могло бы значить **такое**. Вот, скажем, словарная статья «ДАНТИСТ (литературовед.) – исследователь творчества Данте». А почему бы и нет? Если есть слова вроде *дарвинист* или *пушкинист*, то почему бы поклонников или исследователей творчества великого итальянского поэта не именовать *дантистами*? Другой пример. ШЕСТЕРНЯ у нас это «рождение шестерых близнецов». Если рождаются двойни, тройни и четверни и даже, крайне редко, пятерни, то почему бы не быть *шестерне*? Словарь создает свой виртуальный мир: в нём возможно то, что не встречается в обычной действительности, но вполне могло бы быть. Вот еще этимология: «МИРАЖ – количество мирных соглашений за период». На фоне существующих *тоннаж*, *листаж*, *люксаж* (степень освещенности, измеряемая в люксах), *строкаж* (у издательских работников), *городаж* (у гастролирующих театров) и т. п. наша выдумка выглядит весьма естественно. Просто никому в голову не приходило подсчитывать количество мирных соглашений за, допустим, столетие – а то бы ему вполне пригодилось наше толкование... Достаточно перелистать Словарь, чтобы убедиться, что приведенные в нем значения лексем

БРЕШЬ, ГЕРБАРИЙ, ДИРИЖАБЕЛЬНЫЙ, ЗАМША, КОРМИЛО, ФУРАЖКА, ЧУШКА и многих других «почти реальные». А этимологии типа «СВИНЕЦ – самец свиньи» или «ШАНСОНЕТКА – женщина, у которой нет шансов» вообще, можно сказать, общеизвестны.

Правдоподобность многих этимологий подтверждается тем, что в народных говорах, в жаргонах, в профессиональной речи – иными словами, за пределами литературного языка – данные слова действительно получают именно такое значение. В частности, в жаргоне картежников есть слово *бескозырка* со значением ‘игра без козырей’. ОЗАДАЧИТЬ у нас толкуется как «поставить перед кем-л. задачу», и именно с таким значением (с пометой «шутл. разг.») это слово зафиксировано в «Большом словаре русской разговорной речи». Толкование «ДРАП – отступление, бегство» сидит глубоко в народном сознании (бытовало даже выражение *октябрьский драп* – о повальном бегстве из Москвы осенью 1941 г.). У нас в Словаре «ДЕРЮГА (руг.) – зубной врач», а в псковском говоре это слово значит ‘забияка’. Этимология «ГРАБЛИ – воровской инструмент» – это как бы перелицованное, переименованное диалектное слово *грабить* со значением ‘сгребать, собирать в кучу (сено, солому), работать граблями’. Когда в 1960-е гг. в нашу жизнь стала входить иностранная валюта, в разговорной речи тут же появилось жаргонное наименование *зелень, зеленые* – о долларах США. И наш Словарь, естественно, отреагировал: «ЗЕЛЕНКА – 1-долларовая купюра». И что же? Прошло совсем немного времени, и уже солидные собрания жаргона и просторечия включают в себя слово *зеленка* со значением ‘доллары’ (и это наряду с омонимами *зеленка* – ‘лесополоса’ или ‘маскировочная раскраска’)... Таких примеров можно привести много. Имея в виду подобные случаи, я как-то сказал про наш словарь своему старшему коллеге, профессору А. Е. Супруну: «Это резерв неиспользованных языковых возможностей, своего рода словообразовательный питомник». На что тот скептически хмыкнул: «Это не питомник, а кладбище!»

Иногда этимология вскрывает истинное происхождение слова, скрытое от сегодняшнего носителя языка. Вот у нас в Словаре есть «МУССИРОВАТЬ – заниматься приготовлением муссов и желе, взбивать

пену». А во французском языке, откуда попало к нам это слово, действительно, глагол *mousser* в прямом своем значении – ‘пениться’. Этимология «САБОТАЖ – производство сабо» тоже напоминает об истинной истории этого слова: французское *sabotage* восходит к *sabot* ‘деревянная босоножка’ через *saboteur* ‘стучать башмаками’ – так бастующие выражали свой протест. У нас ФУРАЖКА – это «сводка о ходе заготовки кормов». А загляните в настоящий Этимологический словарь: *фуражка* первоначально (из польского) – ‘головной убор солдата, занимавшегося заготовкой кормов’!

Словообразовательная правдоподобность – один из «китов», на которых держатся этимологии. Второй «кит» – малознакомость слова. Дело в том, что легче всего этимологизируются те единицы, которые знакомы понаслышке; для них есть специальное название: *агнонимы*. Можно, конечно, приписать «неправильное», искусственное значение и хорошо знакомым, часто употребляемым словам, таким как БОЛВАНКА, КАШЕЛЬ, ИЗВЕСТИЙ, МАЗЬ, ОШАЛЕТЬ, СКВОЗНЯК и т. п. Но большее лингвистическое «изуверство» кроется в семантизации названий малознакомых, редких, вроде БАНКЕТКА, БАСКИ, ВОКОДЕР, ДРОЖКИ, КОАЛИЦИЯ, ПОМЕРАНЕЦ, САМШИТ, ТЕЛЕМАХИДА, ФАРТИНГ, ХИМЕРА – тут доверчивый читатель может и вовсе принять этимологию за правду!

С одной стороны, конечно, нехорошо вводить человека в заблуждение, дурачить его, а с другой стороны, кто мешает ему, этому человеку, заглянуть в обычный словарь и проверить себя? Повысить свой образовательный уровень? В этом смысле Словарь – толчок к новому знанию. А что, подумает читатель, это и в самом деле есть в русском языке такие слова – БЕТЕЛЬ, ДЕТВА, ДОЛЬМЕН, ТАКСИС? Ведь настоящему оценить этимологию можно только тогда, когда знаешь истинное значение слова. Так что «Этимологический словарь» в каком-то смысле – проверка на образованность, на широту языкового кругозора, а в каком-то – стимул к расширению последнего.

Вспоминаю, как один из «первооткрывателей» жанра, Михаил Зубков, наткнулся в «Словаре произношений», предназначенном для работников радио и телевидения, на не-

знакомое слово: *музурдансис*. Он носился с ним как с писаной торбой, донимая всех знакомых: что бы это значило? Никто не знал; словари и энциклопедии тоже дружно хранили молчание. Но Миша не успокоился, пока не выяснил: это название какого-то латышского танца... Для этимологии сие, правда, не пригодилось, но давало повод лишний раз убедиться: любознательность – великая сила!

Сказанное выше объясняет, почему в Словаре – повышенный процент заимствованных, иноязычных слов: ими легче манипулировать, «подсовывая» читателю одно значение вместо другого. Но на этимологии напрашиваются также те слова, в состав которых входят так называемые уникальные морфемы. Уникальная морфема – такой префикс, суффикс или корень, который выделяется как остаток членения при сопоставлении с другими словами (и больше ни в каких других словах не встречается). Вот, скажем, *горбыль*. Часть *горб-* – это понятно. А что такое *-ыль*? Или *циферблат*: с *цифра* – все ясно, это то же, что в слове *цифра*, а что делать с *-блат*? Прямых свидетельств нет, остается полагаться на косвенные (ассоциации). Вот перед нами и готовые кандидаты в этимологии: «ГОРБЫЛЬ – человек с искривленным позвоночником», ЦИФЕРБЛАТ – «подтасовка статистических данных, приписки в отчете».

Третий «кит», на котором основываются этимологии, связан с устройством значения самого слова, с его семантической структурой. Лингвисты давно поняли: значение слова можно разложить на определенные компоненты. К примеру, значение существительного *холостяк* можно, грубо говоря, свести к трем элементам: «мужчина», «взрослый» и «не состоящий в браке». В значении слова *разведенный* к этим трем элементам добавляется четвертый: «состоявший некогда в браке». А в значении *вдовец* присутствует еще и пятый элемент: «жена умерла». Комбинирование подобных смысловых атомов – увлекательное занятие, которое, с одной стороны, углубляет лингвистическую теорию, а с другой стороны, помогает лексикографам описывать значения слов.

Так вот элементы значения слова – семантические компоненты, или семы, – неоднородны. Одни из них (такие как упомянутый выше «мужчина») имеют более

общий характер – они образуют целые понятийные категории. Сема «мужчина» входит в значение сотен или даже тысяч русских слов: *отец, сосед, слесарь, шофер, полковник, великан, негодяй*... Другие семы (такие как «состоящий в браке») – более узки, специфичны по своему объему, они задействованы всего лишь в нескольких словах, скажем: *муж, супруг, женатик*... Кроме того, семы бывают, как говорят лингвисты, более яркими, выделяющимися на общем фоне, или же более тусклыми, неприметными.

Все это имеет прямое отношение к нашей языковой игре. Этимология по возможности должна опираться на яркие семы. Например, есть в русском языке такое слово *пескарь* (это рыба, разновидность карася). Допустим, что мы хотим придать этому слову искусственное, шутовское толкование. Но что бы могло значить ПЕСКАРЬ в нашем словаре? Понятно, что-то, связанное с песком, но что именно? Какое бы значение ему приписать: «золотоискатель»? «Экскаватор»? «Мальчик, роющийся в песочнице»? В принципе, всё это возможно, но всё не очень смешно. Нет предмета или человека, для которого «песок» выступал бы в качестве яркой, сразу опознаваемой семы. Точно так же трудно этимологизировать, скажем, существительное *бадьян*. Легко почувствовать здесь связь с *бадья*, но опять-таки нет у этого слова «кучной», устойчивой ассоциации. Что бы такое могло значить БАДЬЯН? «Большой чан»? «Банная ванна»? «Изготовитель шаек»? «Человек, занимающийся стиркой»? Нет, всё не то, не смешно, этимология не получается. Или СТАЛКЕР – кто бы это мог быть? Кто обычно сталкивает или кого обычно сталкивают? Нет в нашем сознании такого устойчивого представления... Можно предложить читателю и другие подобные случаи, когда слово, казалось бы, само напрашивается на этимологию: БУЗОТЕР, КРИВИЧИ, СТЕНОЗ, ТРОМБОН, ФАЛЬШБОРТ – но во всех случаях легкость этимологизирования оказывается обманчивой.

Так, наблюдая за процессом искусственной семантизации, языковед приходит к некоторым выводам относительно устройства «всамделишного» значения слова. В частности, нетрудно увидеть внутреннюю связь наших этимологий с принципами построения ассоциативного словаря. Методика его

составления известна: группе испытуемых предлагают ряд словесных стимулов, на каждый из которых человек должен ответить любым другим словом, приходящим в голову. Например, на слово *начальник* кто-то ответит *подчиненный*, кто-то – *станции*, кто-то – *директор*, кто-то – *задерживается*, кто-то – *кабинет* и т. д. И, сравнивая между собой наиболее частые, наиболее типичные ответы, ученый пытается заглянуть «внутри» слова, объективно представить структуру его значения в виде комбинации сем. Так и с этимологиями: при всей их заведомой шутовщине, нарочитости, для лингвиста это ценный материал и повод для размышлений.

Изучая закономерности семантизации, нетрудно заметить: наиболее частые, повторяющиеся в Словаре элементы толкования – это «большой», «маленький», «человек», «мужчина», «женщина», «любитель(-ница)», «супруга», «самка», «участник», «результат» и т. п. Это не случайно: перед нами самые важные системообразующие отношения в русскоязычном сознании! Хотим мы того или нет, они закладывают основу «порядка» в нашем словарном составе.

Этимологизирование любопытным образом вскрывает еще одно глубинное свойство языковой системы. Оказывается, в идеале опорное слово псевдотолкования должно относиться к тому же грамматическому роду, что и толкуемая лексема. Поэтому для ПОЙМА лучше объяснение «ловушка», чем «капкан», для ФУРАЖКА лучше «сводка о ходе заготовки кормов», чем «отчет...». Казалось бы, грамматическое значение не имеет прямой связи с лексическим – ан нет, в сознании носителя языка оно в него вращается...

Если уж затрагивать серьезные аспекты языковой игры, то надо заметить, что полноценное ощущение юмористического эффекта требует некоторой работы ума. Этимология не должна быть слишком простой, очевидной. Поэтому не интересны для Словаря толкования слишком «прозрачные», слишком близкие к реальному значению слова. Примерами таких неудачных этимологий (изначально они и не включались в Словарь) могут быть КАПУСТНИК – пирог с капустой; МОНЕТАРИЗМ – нумизматика; НАСЕСТ – сиденье; ПОВЕТРИЕ – дуновение; РОГОНОСЕЦ – олень; УПОЕНИЕ – неумеренное потребление алкоголя, и т. п.

Отсюда же вытекает еще один вывод: этимология – своего рода загадка, и читателю интересно разгадать ее самому. А значит – не следует облегчать ему задачу, «разжевывать» суть искусственного толкования. В частности, не следует повторять в объяснительной («правой») части статьи тот же корень или основу слова, которая уже дана в толкуемой лексеме. Например, если предложить «ГРИЗЕТКА – женщина, которая любит что-нибудь грызть», то это психологически оценивается хуже, чем «ГРИЗЕТКА – любительница монпасье». Точно так же этимологизировать слово ПАПЬЕ-МАШЕ лучше как «родители», а не как «папа и мама», СКЛАДЕНЬ – как «перочинный нож», а не как «складной нож». Толкование «ПОРТЯНКА – испорченная деталь» – плоховато, лучше «бракованная» или «запороченная деталь» и т. п. Читатель должен сам участвовать в игре – это увеличивает удовольствие от нее.

Остальные особенности Словаря обусловлены его пародийным характером. В частности, набор присловных помет (вроде «научн.», «общеизв.», «ругат.», «бурж.», «артилл.», «железнодорожн.» и т. п.) абсолютно произволен и бессистемен. Встречаются случаи замкнутого «круга» в толковании, что в настоящих словарях никак не приветствуется (например, ТРЕБНИК – см. НУЖНИК; НУЖНИК – см. ТРЕБНИК или ОХВОСТЬЕ – см. ПРИХВОСТЕНЬ; ПРИХВОСТЕНЬ – см. ОХВОСТЬЕ). Допускается в Словаре даже толкование имен собственных (КАЛИСТРАТ, ЛАЗАРЬ, НОЙ, ОСИП, СОКРАТ, ЯРОПОЛК и др.). Все это – как бы напоминание лексикографам о тех ошибках, которых следует избегать. Но такие намеки-упреки, понятное дело, адресованы специалистам, а для обычного читателя Словарь – прежде всего развлечение, отвечающее его запросам.

И с этим связан вопрос о том, насколько полным должен быть состав Словаря. Как я уже заметил, «отцы-основатели» стремились по возможности следовать принципу словообразовательного правдоподобия (не говоря уже о соблюдении требования, чтобы читателю было просто смешно!). Но этимологии, поступающие «с мест», обнаружили, что массовый читатель, он же стихийный этимолог, не это считает главным. Оказалось, что в народе признается и ценится также сугубо формальный подход, раз-

ложение слова по принципу шарады. Такими являются, в частности, этимологии АРБАЛЕТ (вост.) – машина времени, НЕОН – ошибка в следственном производстве, ПЕНЬЮАР – срубленное дерево в Южно-Африканской Республике, ПИЖОН – среднестатистическое (3,14) количество жен на каждого холостяка, ЯБЕДА – самопризнание: я не подарок, и многие другие. Получается, главное – не то, чтоб было смешно и похоже на правду, а чтобы было необычно, не так, как на самом деле. С учетом такой точки зрения имеет право на существование и полный вариант Словаря, который еще ждет своего издателя. В нем – около 3 тысяч слов (по сравнению, напомним, с начальными тремя или четырьмя десятками).

Конечно, расширение словника несколько меняет природу Словаря. Снижается степень словообразовательного правдоподобия этимологий, иногда блекнет и их комическая суть. Отдельные псевдотолкования

можно упрекнуть в искусственности или даже в дурном вкусе. Но такова речевая реальность, отражающая картину мира, представленную в народном сознании. И, раз так, пусть каждый найдет в Этимологическом словаре то, что его привлекает: юморист и сатирик – поводы для смеха, филолог – доказательства продуктивности той или иной словообразовательной модели или закономерности семантизации, а обычный читатель – свидетельство своей речевой свободы.

Список литературы

Норман Б. Ю. Всерьез о шутке (комментарий к «этимологическому словарю») // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. 4, ч. 1. С. 188–199.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2015

B. Yu. Norman

ON HISTORY OF ETYMOLOGICAL DICTIONARY

The article reveals the history of creation and first publication of the *Etymological Dictionary*, discusses the principles of pseudoexplanation of words in aspect of possible semantization of an existing word. The author formulates the conditions of 'etymological' semantization: notional and formational soundness, low cognizability, semantic structure of a word that permits to separate the meaning into specific components and combine it in specific ways in order to create a humorous effect. The most frequent elements of explanation in the *Etymological Dictionary* are the following: 'big', 'small', 'human', 'man', 'woman', 'amateur', 'female', 'participant', 'result', etc., because they denote the most important system-creating relations in Russian worldview, and create the basis of 'order' in dictionary.

Keywords: wordplay, lexicography, types of dictionaries, etymology, folk etymology, word explanation, semantic structure of a word, artificial semantization.